

ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ ЕС

Д.Д. Шляпкинова*

Европейский союз (ЕС) как экономическое и политическое объединение является оплотом региональной интеграции – актуального процесса современности, не имеющего общепризнанного определения. В целом, интеграция – это объединение субъектов (говоря о ЕС – суверенных государств) как составных частей в некую общую систему, основанную на принципе синергии и взаимовыгоды. Данный процесс затрагивает многообразные сферы общественной жизни, от экономической и до культурной, используя определенные инструменты: расширение поля деятельности и усиление роли как международных организаций, так и транснациональных компаний (ТНК), создание системы наднациональных институтов управления, усиление торговых связей, упрочнение культурного обмена и пр.

Одной из мер по укреплению взаимосвязи между европейскими странами в социально-культурной сфере стала провалившаяся политика мультикультурализма, основную идею которой можно выразить латинским афоризмом «из множества – единство» с учетом «паритета» элементов этого множества. Иными словами, мультикультурализм

* Шляпкинова Д. Д. – студентка 2 курса кафедры теории и истории международных отношений. Научный руководитель – к.и.н., ассистент кафедры теории и истории международных отношений О.К. Петрович-Белкин.

предполагает взаимное сосуществование различных общностей.

Причину неудачи внедрения этой концепции многие авторы, в том числе А.В.Попов, видят в «абстрактности глобальных ценностей», которые продвигает политика мультикультурализма, «в предпочтении национально-особенного (конкретного) перед глобальным (всеобщим)» [7. С. 82]. С.И.Кузина также разделяет подобную точку зрения, подчеркивая, что принцип мультикультурализма изначально был направлен на «сокрытие истинных причин социальных конфликтов и противоречий», и именно привычный, устоявшийся в течение долго времени этнос «является для человека надежной группой поддержки», из рамок которой отдельный индивид выходить не хочет [6. С. 100]. Кроме того, возникающие в обществе кризисы, проявляющиеся в форме международной нестабильности, угрозы войны или экологических бедствий подталкивают человека к поиску устойчивых ориентиров в прошлом, в собственной истории и культуре.

В целом, мультикультурализм как попытка трансформации национальных ценностей приводит к усилению интереса к этим ценностям, который в свою очередь перерастает в острую необходимость в их отстаивании, как на уровне национальном, так и на уровне этнических групп.

Проблемы этнической идентичности оказывают существенное влияние на функционирование процесса интеграции, а точнее дезинтеграции, в том числе в рамках ЕС.

С.И.Кузина определяет этническую идентичность как «составную часть социальной идентичности личности, психологическую категорию, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной этнической общности» [6. С. 99]. Этничность – ощущаемая принадлежность к определенному культурному пространству. Данный термин не обуславливается понятиями гражданства или национальности,

являющимися врожденными, а исходит из приобретенного осознания общности культуры, истории, языка с определенной группой людей.

В понятии этнической идентичности можно условно выделить два аспекта: столкновение национального меньшинства (этнические группы) и большинства (государствообразующая нация), а также взаимодействие отдельных этнических групп государства и мигрантов, являющихся носителями культуры родной страны.

Для начала стоит рассмотреть первый аспект, характеризующий «собственно государственный» вопрос взаимодействия двух уровней: этнического и национального. Ю.А.Борко в статье «Быть ли единой “Единой Европе” в XXI веке?» считает воплощением данного противоречия возрастающий «большой национализм», подразумевающий «протест... взглядов коренного населения против этнического сепаратизма» [2. С. 34]. Эта проблема не является новой для Европы: национальный вопрос никогда не был и вряд ли будет решен полностью, самое большее – на некоторое время будет отложен в долгий ящик. Практически в каждой европейской стране, помимо образующей нации, существуют национальные меньшинства: Бретань и Корсика во Франции, Фландрия и Валлония в Бельгии, Сардиния и Южный Тироль в Италии, Шотландия и Северная Ирландия в Великобритании, Каталония и Страна Басков в Испании.

В качестве конкретного примера хотелось бы привести этнокультурные процессы, протекающие в одном из самых стабильных, на первый взгляд, государстве Европы – Бельгии.

О возникновении противоречий между валлонами (франкофонами, представляющими романскую культуру) и фламандцами (нидерландоязычными носителями германской культуры) можно говорить уже в XIV-XVI вв., когда Северные и Южные провинции становились то Бургундскими, то

Испанскими, а позднее Австрийскими. Территория современной Бельгии подвергалась значительному влиянию со стороны Франции, находясь в ее составе в течение двадцати лет. Решение Венского конгресса 1815 года об очередном объединении провинций, великого герцогства Люксембург и Льежского епископства в Объединенное королевство Нидерланды обострило и без того глубокие разногласия на почве религиозного неприятия, непропорционального экономического развития и в целом различия культурных традиций этих регионов. Провозглашение независимости и принятие Конституции Бельгии 1831 года, в частности, возникновение концепции «бельгитюда», то есть бельгийского исторического и культурного единства, не помогли разрешить эти противоречия [1. С. 257-258].

До Второй Мировой войны ведущим регионом оставалась южная Валлония, где активно велась разработка угольных месторождений, а значит, находились металлообрабатывающие заводы, развивалась промышленность, вместе с ней и торговля. Все торговые операции, работа государственных органов управления, полиция, судопроизводство велись на французском языке, фламандский язык попросту игнорировался. Однако с середины XX века экономика Валлонии начала деградировать, на первый план вышла ускоренно индустриализирующаяся Фландрия [3. С. 77]. Численность фламандцев вскоре стала наибольшей в стране, повысилась роль торгового порта Антверпен, который находится непосредственно на территории нидерландоязычной части Бельгии. Отныне фламандцы имело право небезосновательно отстаивать свои требования, с каждым днем расширяющиеся. Тогда же зарождается сепаратистское движение, интересы которого воплощаются в националистических партиях, действующих до сих пор и имеющих весомую поддержку среди населения [4. С. 69-76]. Например, бельгийская партия «Влаамс Беланг», или

«Фламандский интерес», действует под лозунгом «Фландрия – для фламандцев», то есть отстаивает право северного округа Бельгии на суверенитет. Партия обуславливает данную перспективу экономическим превосходством региона, который и без того «тянет» отстающую Валлонию, покрывая вызванный ею общebelгийский долг, неравноправным распределением портфелей министров в регионах, а также враждебностью валлонов к голландской культуре, в частности, нежелание учить фламандский язык в школах [3. С. 77-79]. Нельзя не отметить ответную реакцию валлонов, а также немцев, наименьшей этнической группы Бельгии, неприязнь которых к развитому северу после подобных заявлений лишь усиливается:

“Валлоны (о фламандцах): «Что это за люди, которые хотят навязать нам какой-то свой язык? Это же крестьяне, которые используют разные говоры, часто даже не понимая друг друга. О какой культуре здесь может идти речь?».

Фламандцы (о валлонах): «Что собой представляют эти люди, которые говорят якобы на французском языке, а на самом деле лишь на его диалекте, не обладая при этом никакой литературной традицией?»» [3. С. 80-81]

Как же влияет интеграция на усугубление этнических противоречий? Сегодня обусловленный процессом интеграции своеобразный «передел» национальных границ проявляется в виде выстраивания наднациональной системы управления в ЕС и опирается на «несущую конструкцию» отдельного государства, а именно доминирующую, «государствообразующую» нацию и ее ценности, в обход подобных у национальных меньшинств. Именно этот процесс вновь усилил сепаратистские настроения, то крепнущие, то ослабевающие в суверенных государствах.

Безусловно, нельзя утверждать, что исключительно интеграционные процессы стали причиной очередного всплеска сепаратизма, национализма и ксенофобии.

Необходимо отметить также такой фактор, как радикальное изменение миропорядка, базы взаимоотношений между государствами после распада биполярной системы, который сподвиг людей вернуться к стабильным историческим и культурным истокам [6. С. 99]. Не меньшее влияние на укрепление этнической идентичности оказывают новые политические элиты, которые в условиях глубокого кризиса легитимности государства надеются получить дополнительные источники легитимности посредством игры патриотическими чувствами ради удержания власти.

Заметную роль играет также проблема столкновения собственной этнической идентичности с культурными особенностями других народов. Интеграция, изначально будучи чисто экономической, «открыла» под натиском ТНК и международных финансовых институтов национальные границы. Позднее транспарентность границ была усилена интенсивностью культурных и информационных обменов, вызванных развитием средств коммуникации в том числе. Европа активно поддерживала подобное расширение границ. Это связано с практически нулевым приростом населения и вытекающей острой необходимостью в трудовых ресурсах. Подобную инициативу поддерживали и мигранты: стереотипное, хотя иногда и вполне оправданное, представление о Старом Свете как об «обетованной земле», способной обеспечить достатком и лучшей жизнью каждого, мотивировало многих жителей Восточной Европы, Ближнего Востока и Северной Африки переселяться в страны Европейского Союза.

Данные факторы резко увеличили мобильность населения, усилив миграционный поток в развитые страны Европы, особенно в Германию, Францию и Великобританию. Однако мигранты, обосновываясь в новой стране, зачастую не пытаются «ассимилироваться», приобщиться к ценностям и традициям нового дома. Подобный «наплыв» населения,

осложняющий помимо прочего социальную и криминогенную ситуацию, спровоцировал социокультурное недовольство среди господствующих в стране этносов, который вылился, в свою очередь, в общенациональную антипатию и агрессию по отношению к менее защищенному слою иммигрантов. Так, уже на 1997 г. в среднем 85% европейцев полагало, что количество иммигрантов в их стране велико (из них 45% отмечало, что оно чрезмерно велико). По данным Международного бюро по вопросам миграции на 2002 г., в ЕС проживало около 11 миллионов официально зарегистрированных иммигрантов (среди нелегальных же по подсчетам насчитывалось по меньшей мере 3 миллиона), которые уже на тот момент образовывали «шестнадцатое государство ЕС», при условии, что население Бельгии едва превышало 10 миллионов [1. С. 269].

Показателен пример вышеупомянутой бельгийской партии «Фламандский интерес». Ее нынешний лидер, Филип Девинтер, в ходе одного из своих выступлений заявил: «Терпимость – это ахиллесова пята Европы, а иммигранты – это ее троянский конь» [5].

Ужесточенные иммиграционные правила в совокупности с интенсивной деятельностью правоохранительных органов и Интерпола, объявивших беспощадную борьбу с нелегальной иммиграцией, только усложняют нынешнее положение.

Оба раскрытых аспекта, провоцируя национальные волнения и возмущения, ограничивают шаги государств к полноценной интеграции. Само правительство не готово пренебречь интересами исторически сложившихся этнонациональных групп и возложить их на алтарь не до конца ясной, достаточно абстрактной концепции «мирного соседства».

Каковы же перспективы европейской интеграции? По всей вероятности, говорить о сведении ее на нет по причине

возрастающих этнических противоречий нельзя, поскольку европейские страны объединены крепкими экономическими связями, воплощенными в едином рынке и валютном союзе. Несмотря на отчаянные попытки государственных лидеров и ответственных лиц ЕС остановить рост нацистских, расистских, сепаратистских настроений, их усиление представляется неизбежным, так как общности отдельных стран непременно будут отстаивать собственные интересы. Тем не менее, данный вопрос не имеет однозначной оценки и все еще остается открытым.

Ссылки на источники и литературу

1. *Бирюков С.В.* Бельгия как модель кризиса европейского федерализма // Этносоциум и межнациональная культура. – 2009. - №1. – С.257-271.
2. *Борко Ю.А.* Быть ли единой «Единой Европе» в XXI веке? // Актуальные проблемы Европы. – 2002. - №1. – С.31-49.
3. *Елманова Д.С.* Фламандско-валлонские взаимоотношения: конфликт или стимул развития Бельгии? // Региональные исследования. – Смоленский гуманитарный университет (Смоленск). – 2010. - №4. – С.76-82.
4. *Иванова Е.В.* Формирование крайне правого движения в Бельгии на примере партии «Влаамс Беланг» // Политическая экспертиза: Политэкс. – Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург). – 2008. - №1. – С.68-85.
5. *Косарев Д.* Выборы в пользу джихада / Дмитрий Косарев // Российская газета. – 2013. – 27 мая. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/05/27/belgia.html>
6. *Кузина С.И.* Мультикультурализм и этническая идентичность // Философия права. – Ростовский юридический

институт Министерства внутренних дел Российской Федерации (Ростов-на-Дону), 2012. – С.98-102.

7. *Попов А.В.* Мультикультурализм и национальная идентичность в контексте современности // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств (Санкт-Петербург), 2013. – С.78-83.